

Перкунас

Перкунас [литов. Perkūnas, прус. *Perkun(a)s], Перконс (латыш. Pērkōns, ср. также литов. perkūnas, «гром», perkūnija, «гроза», perkūnūoti, «гремять», латыш. pērkōns, «гром», прус. percupis, «гром»), в балтийской мифологии бог грома, молнии, дождя.

Восходит к образу индоевропейского громовержца, имевшего родственное наименование с основой *Per(k) (см. в статье Индоевропейская мифология); ближайшие параллели — славянский Перун (ср. также белорусского Пяруна, которому присущи многие черты П.), древнеиндийский Парджанья, хеттский Пирва, возможно, албанский Perëp-di, фракийский Περχων и др. Из балтийского было заимствовано имя мордовского громовника Пурьгине-паза, финское и саамское обозначение чёрта — Перкеле (ср. эст. põogu, «преисподняя»).

Характерно, что и одно из имён жены громовержца — Perkūnija, образованное от того же корня, совпадает с литовским обозначением грозы и русским топонимом Перынь — святилищем Перуна на возвышенности у Новгорода, древнеисландским Fjrgyn, именем матери громовержца Тора (ср. галльск. Архивиорн, Hercunia silva, латино-герм. Ferginna, древневерхненем.

Virginnia как обозначение соответствующего топонима — горы или леса на возвышенности, ср. готск. Fairguni, «гора»), хетт. peruna, «скала», древнеинд. párvata, «гора», и т. п., что указывает на связь имени громовержца с горой, возвышенностью.

Вместе с тем его имя часто сравнивается с индоевропейским названием дуба — ср. латинское quercus из *perks и т. п. Древнейшие известия — русский перевод «Хроники» Иоанна Малалы (вторая половина XIII в.), где говорится о поклонении «Перкоунови рекше грому», и «Лифляндская рифмованная хроника» (около 1290) с упоминанием идола Perkune.

Особое положение занимает П. Перкунс в прусском пантеоне. Симон Грунау («Хроника», начало XVI в.) в описании прусского знамени помещает Перкунаса,

изображённого в облике гневного мужчины средних лет с вьющейся чёрной бородой, увенчанного пламенем, между юношей Потримпсом и старцем Патолсом.

То же центральное положение занимает П. в описании священного дуба в святилище Ромове; перед ним горел неугасимый огонь — символ бога. П. посылает дождь, гром и молнию, пруссы взывают к нему при молениях, ему служат специальные жрецы.

В сочинении «Constitutiones Synodales» (1530) П. упомянут в списке богов перед богом преисподней Пеколсом и отождествляется с римским Юпитером, как и в «Судавской книжечке», где П. (Parkuns) упоминается в связи с ритуалом чествования козла — животного П. У Я. Малецкого и Я. Ласицкого (XVI в.) П. (Pargnum) — бог громов и бурь. В триаде прусских богов П. символизирует высший подъём производящих сил (в том числе вегетативный, — ср. связь П. с летом, дубом), мужество, успех, а также верхний мир, небо, дождь, гром, небесный огонь (молнию) как космологические элементы, в отличие от Потримпса (земля, урожай, злаки) и Патолса (преисподняя, смерть).

Как небесное (атмосферное) божество прусский П., по-видимому, помощник и исполнитель воли Диевса — Окопирмса, но превосходит высшего бога по актуальности для человека и конкретности мифологических функций. В восточнобалтийской традиции описания П. как злого духа, демона, идола встречаются в христианских сочинениях: в «Хронике» Малалы, сочинении Я. Длугоша (XV в.), где П. отождествляется с Юпитером, почитаемым в виде молнии, и др. Главный источник реконструкции образа П. и связанных с ним мифологических сюжетов — народные песни.

По песням о «небесной свадьбе» (см. в статье Балтийская мифология) реконструируется вариант мифа, где солнце изменяет П. с месяцем, за что П. разрубает месяц мечом. Согласно другим вариантам, месяц покидает солнце после свадьбы, и П. наказывает его; П. (или сын бога Dieviš) присутствует на свадьбе зари Аушры или дочери солнца; раздражённый П. по дороге на свадьбу разбивает дуб солнца; в поездке на свадьбу его сопровождает солнце с приданым; П. подносит дубу золотой пояс и т. п. Иногда в этих сюжетах П. заменяет бог Диевас или упоминается вместе с громовником пляшущим (на свадьбе?), а также фигурируют сыновья Диеваса — мотив, параллельный мифам о детях или сыновьях П. (ср. также Перкуна тете — Perkuna tete у Ласицкого — «тётка П.», мать грома и молнии, омывающая запалённое солнце, прежде чем выпустить его в небо на следующий день).

Упоминается четверо сыновей П., что, по-видимому, связано с его сезонными ипостасями (ср. литовскую формулу: «Перкунасов четверо: восточный, западный, южный и северный», причём нередко эти П. называются братьями), или семеро (могут соотноситься с днями недели), девять и просто много (ср. литов. *Perkūnų yra daug*, что точно соответствует древнерус. «Перунъ есть многъ»).

Помимо соотнесённости с четырьмя сторонами света и временами года П. связан с четвергом, днём П. (день громовержца во многих традициях: ср. полабск. *Peräune-dån*, «день Перуна», литов.

Perkūno diena, «день П.», соотнесение латыш, *seturdiēna*, «четверг», с днём грома, в старых источниках □ с Юпитером), серединой недели, днём гроз и дождей, а также свадеб. Согласно данным фольклора, П. хотел жениться в четверг, но чёрт в этот день похитил его жену (Вайву, ср. литов. *vaiva*, «радуга», или, в реконструкции, Жемину; показательно, что некоторые женские занятия табуированы в четверг, с тем чтобы избежать вмешательства чёрта).

Чёрт (латыш, *veins*, литов. *vėlnias*) в народных песнях □ сниженный и христианизированный образ противника громовержца, бога преисподней и смерти Велса, Велняса. П. изгоняет за измену жену, а в некоторых вариантах и детей, сам остаётся на небе или, напротив, Диевас поднимает П. с земли на небо.

На небе находятся камни П. □ мотив, связанный с индоевропейской мифологемой каменного неба. Жилище П. на земле приурочивается к возвышенности, высокой или каменной горе: ср. литов. топонимы типа *Perkūnkalnis*, «гора П.», или *Griausmo kalnas*, «гора грома».

На горе иногда упоминается дуб П. (ср. этимологическую связь имени П. с горой и дубом, а также литов. *Perkūno ąžuolas*, латыш. *Perkona ozols*, «дуб П.» в источнике первой половины XIX в.).

В дубе прячется чёрт, а П. раскалывает его молнией; в заговорах под дубом помещается змеиное гнездо (змеи □ ипостась противника П.). П. преследует громами своего противника □ чёрта, в реконструкции □ Велса, Велняса, похитителя плодородия и скота.

Тот прячется в дереве, камне, превращается в различных хтонических или демонических животных – чёрную кошку, собаку, свинью, козла, в зооморфных представителей трёх стихий (воздуха, земли и воды) – голубя, ягнёнка и щуку, в корову (ср. латышские представления о чёрте с коровьими копытами) и человека. П. гонится за противником по небу (по каменным горам) на колеснице, каменной, огненной (литов. *ugnies rātai*), иногда железной, красной, запряжённой парой (реже четвёркой, тройкой) коней (козлов) красной и белой (чёрной и белой) масти, в возке или в карете. (Ср. литовское божество коней и колесницы Ратайнича – у Ласицкого *Ratainicza*, от литов. *rātai* «колесница»; мифологизированный образ колесницы – Большая Медведица.) Согласно жемайтским представлениям, П. может выступать и как всадник на огненном коне.

На небесной колеснице П. предстаёт в облике седого старика с большой бородой (разных цветов, в том числе медного), в белых и чёрных одеждах, держащим козла на верёвке в одной руке и рог или топор – в другой. Оружие П. – топор или молот, камни, меч, бьющий молниями, лук и стрелы, пули, палица, розги (бичи, ср. название П. *Dievo rykštė*, «бич бога», *Диверикъзъ* русской летописи), нож; оно может быть каменным, железным, медным, огненным.

Распря П. с противником может объясняться иногда и кражей у громовержца оружия, укрытием его под камнями. П. сам выступает как творец оружия (*Akmeninis kalvis*, «каменный кузнец») или ему помогает небесный кузнец Телявель.

По некоторым представлениям, молнии испускаются небесными жерновами (ср. общий индоевропейский корень **mel*|| для балтийских слов со значением «молния», «молот», «молотьба»). Противник П. прячется в дупло дерева, камень (атрибуты П.); урочища и рельеф местности возникают во время преследования П. чёрта: ср. топонимы типа «река П.», «гора П.», «озеро П.», с одной стороны, и «болото чёрта», «камень чёрта», «озеро чёрта» – с другой.

Кульминационный момент преследования громовержцем противника – гроза; она не только очищает землю от нечисти и возвращает украденный скот, оружие и т. п., но и означает возвращение на землю плодородия, возрастающего (а не утаённого) богатства. С запретами и предписаниями, регулирующими поведение во время грозы, связаны табуированные звукоподражательные имена П. – литов.

Dundulis, Dundutis, Dūdu senis. Tarškulis, Tarškutis, Blizgulis и т. п. Судя по описаниям ритуалов в честь П., громовержец занимал первенствующее место среди балтийских божеств в сфере культа и наделялся универсальными функциями, прежде всего носителя плодородия. Ср., например, ритуал вызывания дождя в Латвии (латинский источник 1610), совершавшийся на холме в роще, с жертвоприношением животных чёрного цвета, трапезой, возлияниями, призыванием П., соотносимого с огнём, и близкие южнославянские (ср. Додола, Пеперуда) и другие индоевропейские параллели, свидетельствующие о наибольшем развитии индоевропейского культа и мифологии громовержца именно в балтийской традиции.

Литература :

Иванов В. В., Топоров В. Н., Исследования в области славянских древностей, М., 1974;
Bassanavičius J., Fragmenta mythologiae: Perkūnas □ Velnias, «Mitteilungen der lituanischen literarischen Gesellschaft», 1887, Bd 2;
Balys J., Perkūnas lietuviu liaudies tikejimuose, в сборнике: Tautosakos darbai, t. 3, Kaunas, 1937;
Biezais H., Die Göttesgestalt der lettischen Volksreligion, Stockh., [1961];
его же, Die himmlische Götterfamilie der alten Letten, Uppsala, 1972;
Skardžius P., Dievas ir Perkūnas, «Adai», 1963, № 6;
Gimbutas M., Perkunas/Perun □ the thunder god of the Balts and the Slavs, «Journal of Indo-European Studies», 1973, v. 1, № 4. В. В. Иванов, В. Н. Топоров.